

Китеж

В зелёной тине, в стоячей влаге
всю жизнь шныряя,
ещё мальками мы знали сагу
родного края:
как супостаты нас обложили,
ушли на дно мы,
чтоб, гордо скрывшись в придонном иле,
жить по-иному.

И вдруг – всплеснуло в застывшей каше,
в глуши тюленьей.

В посконно-узкой протоке нашей –
воды бурление.

Течение тянет наверх и хлещет
по склизлым сваям.

Что испугался, малыш-подлещик,
держись, всплываем!

Взметнулись рыбки на тонких ветках,
и близким штормом
вода набрякла. Порхнув, креветки
гуртом проворным
нырнули в грядки подводной мяты,
морской капусты.

И кочет, гладкий, что сом усатый,
неловкой гузкой
виляет грузно, уплыть стараясь.
А дно колышет –
аж с пятистенков, хлебов, сараев
смывает крыши.

И хлынул стаей народ на площадь,
резвее тюльки.
Шептались в ряске, кружили в роще,
не смели булькнуть:
неужто правду писали в свитках,
давно раскисших,
мы жили прежде не в травах жидких,
не в зыбкой тиши?
И сердце в жабры скакнуло, ёкнув,
стуча насили:
неужто солнце увидим в окнах,
а не трясину?
Неужто вправду настало время,
снята осада,
и можно волка, а не мурену
гонять от стада?
И сочиненья забыть на тему,
что мы не рыбы,
и сурдо-гимны, что мы не немцы?
Чешуйки дыбом!

Песочные часы в профиль

Какая же мёртвая тень
не рвётся обратно – в любой, лишь бы подлинный день,
к пронзительным горестям плоти, к животным богатствам...
На талии ломкой навек затянув поясок,
часам переваривать тошно всё тот же песок,
ведь сыты по горло, – и снова должны объедаться.

Великое – мимо плывёт.
Огромней, чем воздуха толща, безмерней, чем вод
громады, – хотя захлебнуться глотка бы хватило.

Сокровища будней, пройдя через руки менял,
бренчат медяками: *пил чай... встали поздно... стрелял
ворон...* – времена выцветают быстрее, чем чернила.

При вспышке успеешь принять
удачную позу, подправить небрежную прядь,
вернуть именную улыбку; но снова со снимка
взирает прошедшее время, такое, как есть.
Скорей переснять, пережить, перевстать, пересесть,
покуда фотограф с визира сдувает песчинку.

Шанс

Не всем, как девочке, в цветке
родившейся, хватает мелкой
воды, чтоб плавать в лепестке
в своей тарелке.

Уж ты махнёшь куда глаза,
вслом шуруя беззаботно,
не то чтоб за море, но за
буйки, за отмель.

Грести течению вопреки
легко, покуда близко берег,
и дно подводные клыки
ещё не щерит.

Хотелось с ветерком дойти
до края безобидной площадки
и отдохнуть. Но на пути
губной гармошкой

встаёт плотины монолит, –
размеры рта представишь, съёжась, –
а лодку тащит и теснит
в провал, похожий
на жадный стерегущий зев,
на жвалы гибельной харибды.
И звать на помощь, помертвев,
уже охрип ты.

А там, за дамбою, огни,
и паруса в нарядной дали,
и черт их знает, как они
туда попали.

Да ну их всех. Скорей назад,
где можно без опаски плавать,
в затон жуков и лягушат,
в родную заводь.

Там можно опустить весло
в глубины жижи инфузорной
и ждать, чтобы оно вросло,
пустивши корни.

И, отдышавшись, не гадать,
что ждать могло за страшной глоткой.
Лечь в дрейф, не нарушая гладь,
срастаясь с лодкой.

***

Пане

– Мы знаем всё, – журчит, усыпляя зал,
докладчик, по сцене гуляя неторопливо.
Рисует то, чего никто не видал,
трактуя теорию – ту, что большого взрыва.
И пишет гладко вилами по воде
догадок, в расчётах больше всего заботясь,
чтоб сумму прописью не забыли где –
за пирамиды формул, за пот гипотез:

на наш век хватит, а дальше гори огнём.
...Но век не наш, мы время не приручили
арестом в часах наручных, век чуда ждём
в потёмках цифр, и ныне – как при лучине.
Ведь никого, представишь ли, никого,
кто мог свидетельствовать, пережив, – да просто
существовать, хотя бы как слизь, комок,
пра-пра-амёба, спящая под коростой

небытия. Что толку живописать,
как громоздился мир, угловат и шаток,
шипели кометы, срываясь с крутых глиссад.
Рожденье вселенной без планетарных схваток
проходит и впрямь во взрыве большом, в зазо-
ре тайном, в податливой глубине пещерной.
И кто б там мог взахлёб обонять озон
и чуютъ, как в диком воздухе пахнет спермой.

При вспышке искр, в укрытии – нет сырей,
летит дыхание из грозового зева.
В одно сливаясь, божья гудит свирель
и вельзевулов зычные вувузелы.
Густеет зигота, пульсирует буква аз,
трепещет под тонкой плёнкой сквозное темя.
И время часы запускает в несчётный раз,
избрав этот частный космос своим тотемом.

И что там квазары, бездны, сверхновых свет
перед этим пористым сгустком, нежнее спонжа.
И жить бы ему и нежиться, словно нет
окраины мирозданию...

*Но дело в том, что
одна такая вселенная, божий сад
в отметилах бурь, со шрамами звёздных спаек,
меня породившая сколько-то там назад,
чадя, на моих руках сейчас угасает.*